

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.021-031

О. С. Гринь*

Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав¹

Аннотация. В статье на основе анализа правовой природы новых цифровых объектов гражданских прав (цифровых прав, цифровой валюты) сделаны выводы о возможных моделях договорных отношений, возникающих по поводу данных объектов.

Автор исходит из того, что в отношении категории «цифровое право» самостоятельная объектная сущность может быть признана лишь в связи с особенностями формы объекта (формы фиксации имущественного права), а не его содержания. Токен рассматривается как техническое понятие — цифровой способ фиксации имущественных прав. В статье обосновано, что возмездное распоряжение цифровым правом (как утилитарным цифровым правом, так и цифровым финансовым активом), в рамках которого за переход цифрового права его приобретатель обязуется уплатить денежную сумму, по общему правилу должно квалифицироваться как договор купли-продажи цифрового права. При этом в каждом конкретном случае речь идет о сделке, предметом которой является переход отдельного имущественного права как объекта гражданских прав (безналичных денежных средств, бездокументарной ценной бумаги, обязательственного права (требования), отнесенного законом к категории цифрового права.

С точки зрения автора, цифровая валюта в системе объектов гражданских прав может быть квалифицирована лишь по принципу *sui generis* — как «иное имущество». Сделан вывод о том, что сделки с цифровой валютой следует квалифицировать как непоименованные договоры. К договорным правоотношениям по обмену различных объектов на цифровую валюту, в случаях, не противоречащих закону, по аналогии закона могут применяться правила о договоре купли-продажи, договоре об отчуждении исключительного права или лицензионном договоре. Исходя из специальных норм закона, обязательственное правоотношение по поводу цифровой валюты, при отсутствии информирования налоговых органов об обладании данным объектом и совершении с ним сделок, обладает признаками натурального обязательства.

Ключевые слова: сделка; обязательство; договор; цифровые права; утилитарные цифровые права; цифровые финансовые активы; цифровая валюта; криптовалюта; токен; цифровые объекты гражданских прав; инвестиционные платформы.

Для цитирования: Гринь О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 10. — С. 21—31. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.021-031.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16200.

© Гринь О. С., 2020

* Гринь Олег Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
osgrin@msal.ru

Legally Binding Relationships with Regard to Digital Objects of Civil Rights²

Oleg S. Grin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
osgrin@msal.ru

Abstract. The paper, based on the analysis of the legal nature of new digital objects of civil rights (digital rights, digital currency), makes conclusions concerning possible models of contractual relations arising from object's data.

The author relies on the fact that in relation to the category "a digital right" an independent object can be recognized only in connection with the peculiarities of the form of the object (the form in which the property rights are fixed) rather than its content. Token is seen as a technical concept. i.e. a digital way of fixing property rights. The paper substantiates that the retributive disposal of the digital right (both as a utilitarian digital right and a digital financial asset), according to which the digital right acquirer in order to transfer the right in question undertakes to pay a certain amount of money, under the general rule, should be qualified as a contract for the sale of a digital right. At the same time, in each case this also refers to the transfers the subject matter of which covers the transfer of a separate property right as an object of civil rights (cashless money, a book-entry security, a law of obligation (claims)) classified by law as a digital right.

From the author's point of view, digital currency in the system of objects of civil rights can be qualified only as "other property" in compliance with the *sui generis* principle. It is concluded that transactions with digital currency should be classified as non-defined contracts. Contractual legal relations aimed at exchanging various objects for digital currency, in cases not contrary to the law, by analogy of the law, can be regulated under the rules applied to the contract of sale, the exclusive right alienation agreement or license agreement. Based on the special provisions of the law, a legally binding relationship regulating the digital currency, provided the tax authorities are not informed about such possession and transactions with such an object, has features of a natural obligation.

Keywords: transaction; obligation; contract; digital rights; utilitarian digital rights; digital financial assets; digital currency; cryptocurrency; token; digital objects of civil rights; investment platforms.

Cite as: Grin OS. Obyazatelstvennyye otnosheniya po povodu tsifrovyykh obektov grazhdanskikh prav [Legally Binding Relationships with Regard to Digital Objects of Civil Rights]. *Lex russica*. 2020;73(10):21-31. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.021-031. (In Rus., abstract in Eng.).

Верная юридическая квалификация обязательственного отношения, возникающего по поводу цифровых объектов гражданских прав, предопределяется правовой природой самого объекта, по поводу которого и существует данное отношение.

В рамках реализации федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (проект 4.1)³, который входит в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», был внесен ряд поправок в ГК РФ. С 1 октября 2019 г. вступили в силу нормы о новом виде объектов гражданских прав — цифровых правах. Исходя из ст. 141.1 ГК РФ, квалификацию в качестве «цифрового» может

получить только то обязательственное или иное право, которое названо таковым в специальном федеральном законе.

Так, в Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (вступил в силу с 1 января 2020 г.)⁴ используется категория «утилитарное цифровое право». Помимо этого, с 1 января 2021 г. вступает в силу Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵. В нем

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16200.

³ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. президентом Советом при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16) // URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения: 10.09.2020).

⁴ СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

категория цифровых прав получит еще одно практическое наполнение — в рамках понятия цифрового финансового актива.

В данном исследовании рассмотрим подходы к определению юридической природы различных новых цифровых объектов гражданских прав (цифровых прав и цифровой валюты) с целью формирования юридически корректной квалификации обязательственных отношений, возникающих по поводу таких объектов.

Цифровые права, токены

Исходя из п. 1 ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. По мнению ряда ученых, закрепление данной нормы является важным шагом на пути к гражданско-правовому регулированию отношений в сфере цифровых технологий⁵.

Вместе с тем введение рассматриваемой легальной дефиниции оставляет ряд неразрешенных вопросов, связанных с правовой природой цифровых прав и их местом в системе объекта гражданских прав. Некоторые исследователи придерживаются позиции, согласно которой цифровые права не могут считаться

самостоятельным объектом гражданских прав, поскольку являются формой выражения и осуществления существующих имущественных прав⁷. Другие ученые поддерживают закрепление в ГК РФ цифровых прав как отдельных объектов гражданских прав⁸. Вместе с тем даже среди сторонников последней позиции вопрос о правовой природе цифровых прав вызывает многочисленные споры. В связи с этим можно выделить две основные концепции понимания рассматриваемых объектов.

Первая группа исследователей определяет цифровое право как совокупность данных («токен»), что, в свою очередь, делает конструкцию с использованием термина «право» фикцией⁹. Так, Л. А. Новоселова отмечает: «В данном же случае “цифровое право” используется как заменитель технического термина “токен”, к которому привязана информация об имущественном праве. Как в бездокументарной бумаге нет бумаги, так в цифровом праве нет особого права (права на право). То есть этот термин определяет права, приобретшие особые качества и выделенные в отдельную категорию по принципу особенностей учета (а не по содержанию)»¹⁰.

Вторая группа авторов рассматривает цифровые права в качестве имущественных и иных прав на различные цифровые объекты. Так, А. А. Карцхия относит цифровые права к категории субъективных гражданских прав¹¹, А. А. Куликова понимает под ними права, связанные информационными объектами¹².

⁵ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

⁶ См. комментарии А. И. Савельева, А. В. Габова в публикации: Новоселова Л., Габов А., Савельев А., Генкин А., Сарбаш С., Асосков А., Семенов А., Янковский Р., Журавлев А., Толкачев А., Камелькова А., Успенский М., Крупенин Р., Кислый В., Жужжалов М., Попов В., Аграновская М. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Закон. 2019. № 5. С. 31—54 (далее — Цифровые права в системе объектов гражданских прав).

⁷ См., например: Агбалова Е. Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Юридический вестник ДГУ. Т. 33. 2020. № 1. С. 90—99; Ефимова О. В., Балдина С. С. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 3. С. 45—47; Сарбаш С. В. Цифровые права в системе объектов гражданских прав.

⁸ См., например: Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179—192.

⁹ См., например: Андреев В. К. О понятии цифровых прав и их оборотоспособности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 2; Лолаева А. С. Цифровые права в структуре объектов гражданских прав // Аграрное и земельное право. 2019. № 6. С. 47—49; Молчанов А. А. Законодательное признание цифровых прав как одного из объектов гражданского права // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2020. № 3. С. 4—8.

¹⁰ Новоселова Л. А. Цифровые права в системе объектов гражданских прав.

¹¹ Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения 2019. № 2. С. 44.

¹² Куликова А. А. Цифровые права в российской правовой системе: понятие, виды // Современный юрист. 2019. № 1. С. 178—185.

Выбранная законодателем модель регламентации отношений цифровых прав сходна с таким регулированием в отношении бездокументарных ценных бумаг и безналичных денежных средств. При этом ключевое отличие от данных объектов состоит в системе учета. Если в отношении бездокументарных ценных бумаг и безналичных денежных средств такая система связана с выделением специального лица, которое уполномочено вести соответствующую фиксацию (банк, депозитарий, держатель реестра, регистратор и др.), то в отношении цифровых прав такое лицо отсутствует. Все действия, связанные с обращением цифрового права, возможны в информационной системе, при которой исключается обращение к третьему лицу. Указанный подход предопределен сущностью технологии распределенных реестров¹³. В данной ситуации наиболее обоснованной является позиция, когда за цифровым правом самостоятельная объектная сущность признается лишь по принципу особенностей формы объекта, а не его содержания.

Понятие цифрового права неразрывно связано с термином «токен». Данный термин (Zeichen (нем.) — знак, символ) имеет несколько трактовок¹⁴. В Black's Law Dictionary приведены 3 значения:

- 1) знак, отметка, материальное доказательство существования факта;
- 2) знак или указание намерения что-либо сделать;
- 3) монета или другое законное платежное средство¹⁵.

Смысловое многообразие термина «токен» породило немало дискуссий в юридической литературе относительно правовой сущности данного объекта. Прежде всего токен рассматривается как цифровой способ фиксации имущественных прав¹⁶. При этом некоторые исследователи подчеркивают связь такого концептуального понимания токена с возможностью рассматривать его как некую имущественную ценность (полезность)¹⁷.

Весьма интересной является точка зрения Л. Г. Ефимовой, согласно которой токены определяются через категорию «условных виртуальных символов традиционных объектов права в киберпространстве»¹⁸.

Подобная концепция понимания токена в целом соответствует позиции, согласно которой он представляет собой способ фиксации имущественных прав в цифровой среде.

Токен в технологическом смысле имеет несколько видов. В работе А. И. Савельева выделены продуктовые, обеспеченные и платежные токены¹⁹.

В литературе высказана точка зрения, что правовой режим такой имущественной ценности должен быть аналогичен «ценным правам» (Wertrechte), выделяемым в европейском континентальном праве германского типа²⁰.

При некотором единстве подхода большинства исследователей о том, что токен представляет собой способ фиксации права, данный термин легально не закреплен. Легальное закрепление получила именно категория цифрового права. Как указано выше, «цифровым» право должно быть названо в законе.

Так, в Федеральном законе «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ...» используется термин **утилитарное цифровое право**.

Ключевая категория данного законодательного акта — инвестиционная платформа, которая раскрывается через понятие информационной системы, используемой для заключения договоров инвестирования (ст. 2).

Определение утилитарных цифровых прав приведено путем перечисления трех возможных вариаций прав требования:

- 1) передачи вещи;
- 2) «передачи» исключительных прав или прав использования объектов интеллектуальной собственности;
- 3) выполнения работ / оказания услуг.

¹³ Wright A., De Filippi P. Decentralized Blockchain Technology and the Rise of Lex Cryptographia. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2580664> (дата обращения: 10.09.2020).

¹⁴ См.: URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/token> (дата обращения: 10.09.2020).

¹⁵ См.: Black's Law Dictionary. Tenth edition. West, 2014. P. 1716.

¹⁶ См.: Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Указ. соч.

¹⁷ См.: Савельев А. И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. № 2. С. 36—51.

¹⁸ Ефимова Л. Г. Токен как виртуальный объект гражданского права // Банковское право. 2020. № 3.

¹⁹ См.: Савельев А. И. Указ. соч.

²⁰ Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111—119.

Приобретение, отчуждение, осуществление указанных прав возможно исключительно в рамках указанной инвестиционной платформы (ст. 8).

Такие права должны изначально возникнуть в рамках договора, заключенного с использованием указанной платформы²¹.

Подход, отраженный в этом Законе, подтверждает вывод о том, что цифровое право не имеет самостоятельного классификационного основания с точки зрения содержания, речь идет только о форме фиксации имущественного права. В данном конкретном случае речь идет об обязательственных правах (требованиях), которые возникают из договоров о передаче движимого имущества — купли-продажи, аренды, мены и др.; о правах требования из договоров об отчуждении исключительного права и лицензионных договоров; о правах требования по договорам подряда, договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, договорам возмездного оказания услуг. Спецификой здесь является лишь форма — правоотношение оформляется при помощи инвестиционной платформы.

Другим проявлением категории цифровых прав в законодательстве являются **цифровые финансовые активы** (ЦФА), правовой режим которых закреплен в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...».

ЦФА определены как «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг» (п. 2 ст. 1 данного Закона). В этой норме также указано, что выпуск, учет и обращение ЦФА возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. Установлен формальный критерий — обязательность оформления решения о выпуске ЦФА.

Такое определение вряд ли можно признать удачным с точки зрения юридической техники:

во-первых, получилось, что эти цифровые права включают «требования», «возможность осуществления прав», «права участия» и «право требовать»; во-вторых, какой смысл имеет упоминание распределенного реестра, если тут же указывается, что речь может идти об иной информационной системе?

Если в законе об инвестиционных платформах сделана попытка урегулировать цифровизацию оборота, относящегося к реальной экономике (товары, работы, услуги) и интеллектуальным правам, то здесь речь идет о такой попытке в отношении финансового рынка. Как видно из приведенного определения, вывод о формальной природе цифрового права в очередной раз подтверждается. В норме упоминается четыре вида имущественных прав:

- денежные требования (обязательственное право);
- права по эмиссионным ценным бумагам (бездокументарная ценная бумага, которая по юридической природе сама является имущественным правом (п. 1 ст. 142 ГК РФ));
- право участия в капитале непубличного акционерного общества (акции как бездокументарные ценные бумаги);
- право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг (обязательственное право по договору о распоряжении бездокументарной ценной бумагой).

Таким образом, цифровые финансовые активы по юридической природе не являются новыми объектами гражданских прав. Выделение данной категории обосновано специальными требованиями к их форме: фиксация в решении о выпуске ЦФА, осуществление выпуска, учета и обращение только посредством внесения записей в специальную информационную систему. Следовательно, цифровой финансовый актив может быть определен как форма фиксации денежных требований, требований об уступке бездокументарных ценных бумаг²², прав по эмиссионным ценным бумагам, акций непубличных акционерных обществ и обязательственных требований из договоров по распоряжению бездокументарными ценными бумагами.

²¹ Данная категория не может использоваться в сфере отношений по поводу тех объектов, права на которые или сделки с которыми подлежат государственной регистрации или нотариальному удостоверению.

²² Использование в законодательстве термина «передача» в отношении имущественных прав, на наш взгляд, не совсем удачно. Передача — термин, применимый в большей степени к вещам. Корректнее говорить об уступке или о переходе такого права.

В отношении распоряжения цифровыми правами (утилитарными цифровыми правами, цифровыми финансовыми активами) в указанных выше законах содержатся сходные положения.

Так, исходя из ст. 141.1 ГК РФ распоряжение цифровым правом (передача, залог, обременение цифрового права другими способами) возможно только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Пункт 7 ст. 8 Федерального закона «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ...» фактически дублирует указанную норму ГК РФ: распоряжение утилитарным цифровым правом, в том числе передача, залог, обременение утилитарного цифрового права другими способами, возможно только посредством инвестиционной платформы.

В целом данные нормы сходны с режимом, закрепленным в ст. 149.2 ГК РФ, посвященной переходу прав по бездокументарной ценной бумаге. Однако такие правила детализированы в отношении цифровых прав в меньшей степени, поскольку в отношении бездокументарных ценных бумаг основной блок правовых последствий связан с участием лица, которое ведет учет данных бумаг. В отношении цифровых прав, как указывалось выше, такое лицо отсутствует — весь блок правовых последствий связан с правилами инвестиционной платформы или информационной системы.

В Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...» законодатель закрепил иную конструкцию. Здесь указано, что в отношении ЦФА могут совершаться сделки купли-продажи и другие сделки, например обмен ЦФА различных видов или обмен ЦФА на иные цифровые права (п. 1 ст. 10).

Данный вопрос основан на одном из классических споров, ведущихся в российской цивилистической доктрине, — о допустимости конструкции вещного права на право и возможности субъективного права быть предметом договора купли-продажи²³. Как верно предсказывал В. П. Мозолин, «тенденция включения виртуализирующихся субъективных гражданских прав становится не просто объективной

реальностью, но одновременно превращается в одно из основных направлений в развитии современного гражданского права»²⁴.

При решении данного вопроса необходимо исходить из того, что цифровые права отнесены законом к родовой категории «имущественные права» (ст. 128 ГК РФ). Такая квалификация предопределила важное с точки зрения обязательственного права законодательное решение. В силу п. 4 ст. 454 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ) общие положения о купле-продаже применяются к продаже имущественных, в том числе цифровых, прав, если иное не вытекает из содержания или характера этих прав.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященном применению положений гл. 24 ГК РФ, со ссылкой на п. 4 ст. 454 ГК РФ использован термин «договор продажи имущественного права»²⁵. Таким образом, возмездное распоряжение цифровым правом (как утилитарным цифровым правом, так и цифровым финансовым активом), в рамках которого за переход цифрового права его приобретатель обязуется уплатить денежную сумму, по общему правилу должно квалифицироваться как **договор купли-продажи цифрового права**. При этом необходимо учитывать, что в каждом конкретном случае речь идет о сделке, предметом которой является переход отдельного имущественного права как объекта гражданских прав (бездокументарной ценной бумаги, безналичных денежных средств, обязательственного права (требования), отнесенного законом к категории цифрового права.

Цифровая валюта

Еще одной концептуальной новеллой Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...» является введение в российское право понятия цифровой валюты. Как следует уже из названия Закона, данное понятие выведено из-под категории «цифровой финансовый актив» и рассматривается отдельно.

Цифровая валюта здесь определяется как **«совокупность электронных данных (циф-**

²³ Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2010. Т. 1. С. 298—300 ; Мозолин В. П. Современная доктрина и гражданское законодательство. М., 2008. С. 7, 55—59.

²⁴ Мозолин В. П. Указ. соч. С. 59.

²⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

рового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа (не является национальной иностранной или международной денежной или расчетной единицей), и (или) в качестве инвестиций». Особенность данного объекта заключается в том, что в отношении указанных электронных данных нет какого-либо субъекта, который бы отвечал перед обладателями этих электронных данных (п. 3 ст. 1 указанного Закона).

Следует отметить, что изначально в 2019 г. в рамках внесения «цифровых» поправок в ГК РФ (проект федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»²⁶), предполагалось, что в ГК РФ будет включена специальная статья 141.2, посвященная «цифровым деньгам». Тот подход, который отражен в принятом специальном законе, основывается на положениях, разработанных в рамках данного законопроекта.

В юридической литературе большое внимание уделяется главному проявлению этой категории в общественной жизни — криптовалюте (далее будем исходить из синонимичности терминов «цифровая валюта» и «криптовалюта»). В исследованиях выделяются следующие подходы к режиму криптовалюты: 1) виртуальная валюта, выступающая средством платежа; 2) универсальный финансовый инструмент; 3) товар (имущество); 4) денежный суррогат²⁷.

Так, например, Л. Г. Ефимова, рассуждая о юридической природе криптовалюты как частного случая токена, сравнивает ее с безналичными деньгами или электронными деньгами²⁸.

Напротив, А. В. Красикова в своем исследовании утверждает о невозможности сравнения электронных денежных средств и криптовалют ввиду их разных характеристик²⁹. М. А. Егорова и О. В. Кожевина отмечают, что криптовалюта — платежное средство, не имеющее самостоятельной ценности³⁰.

За рубежом существует палитра подходов к выявлению сущности криптовалюты. Так, в США криптовалюта квалифицируется как виртуальная валюта, которая может выполнять функции обмена, накопления и учета³¹. Речь идет о применении принципа «технологической нейтральности». В Канаде криптовалюта не признается денежным средством и платежные операции с ее использованием подлежат налогообложению как бартерные сделки. В Швейцарии анализируемый объект рассматривается наравне с иностранными валютами. В Японии отдельные криптовалюты (Bitcoin и Ethereum) были признаны законным средством платежа, в Сингапуре — активом³².

Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...» предусматривает ряд норм, призванных урегулировать оборот цифровой валюты (ст. 14). Так, в Законе содержатся определения понятий организации выпуска цифровой валюты, собственно ее выпуска, организации обращения данной валюты в привязке к территории Российской Федерации. В частности, при определении понятия организации обращения цифровой валюты указывается, что это деятельность по оказанию услуг, направленных на обеспечение совершения **гражданско-правовых сделок и (или) операций, влекущих за собой переход цифровой валюты от одного обладателя к другому.**

²⁶ URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/424632-7> (дата обращения: 10.09.2020).

²⁷ Эскиндаров М. А., Абрамова М. А., Масленников В. В., Амосова Н. А., Варнавский А. В., Дубова С. Е., Звонова Е. А., Криворучко С. В., Лопатин В. А., Пищик В. Я., Рудакова О. С., Ручкина Г. Ф., Славин Б. Б., Федотова М. А. Направления развития финтех в России: экспертное мнение Финансового университета // Мир новой экономики. 2018. № 12. С. 6—23.

²⁸ Ефимова Л. Г. Указ. соч.

²⁹ Красикова А. В. Криптовалюта: проблемы правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6. С. 111—114.

³⁰ Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 1. С. 81—91.

См. также: Шайдуллина В. К. Криптовалюта как новое экономико-правовое явление // Вестник Университета. 2018. № 2. С. 137—142.

³¹ Обзор законодательного регулирования криптовалют в отдельных государствах // URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2017/11/ru-ru-cryptocurrency-legislative-regulation-worldwide-november-2017-upd.pdf> (дата обращения: 10.09.2020).

³² Обзор законодательного регулирования криптовалют в отдельных государствах.

Главным регуляторным моментом этого Закона в отношении цифровой валюты является запрет, установленный для российских юридических лиц, обособленных подразделений международных организаций и иностранных юридических лиц, а также физических лиц, фактически находящихся в России не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев: указанные субъекты «не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг)» (ч. 5 ст. 15 указанного Закона).

Таким образом, законодатель стремится лишить цифровую валюту платежной функции. Вместе с тем формулировка этого запрета все же не является всеобъемлющей. В частности, под запрет не попали платежи по договорам, направленным на отчуждение исключительных прав, а также платежи по лицензионным договорам (что особенно актуально в сфере использования различных объектов в сети «Интернет»). На основании ст. 128 ГК РФ сохраняется возможность совершения сделок с криптовалютой, результатом которых будет обмен криптовалюты на такие объекты, как наличные деньги, обязательственные права (требования), бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, а также рассмотренные выше цифровые права.

Другая возможная проблема — толкование термина «товар». Если речь будет идти о том понимании товара, которое закреплено в п. 1 ст. 454 ГК РФ, то запрет коснется исключительно вещей. Если же данный термин будет истолкован исходя из экономического содержания³³, запрет может охватить любые оборотоспособные объекты гражданских прав. На наш взгляд, такое толкование должно строиться по первой модели.

Независимо от этого, будучи лишенной возможности выступать в качестве всеобщего орудия обмена и средства платежа³⁴ в отношении товаров, работ и услуг, криптовалюта все же утрачивает функции денег в экономическом смысле как универсальный объект, который мог бы обмениваться на иные объекты.

Одновременно с этим в силу поправок, которые внесены рассматриваемым Законом (ст. 19, 21) в Федеральные законы от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», для целей данных Законов цифровая валюта будет признаваться имуществом. Это означает, что криптовалюта подлежит включению в конкурсную массу и на нее может быть обращено взыскание по правилам законодательства об исполнительном производстве.

Из совокупности указанных положений следует вывод, что цифровая валюта в рамках системы объектов гражданских прав может быть квалифицирована лишь по принципу *sui generis*. На наш взгляд, цифровая валюта — разновидность понятия «иное имущество» (ст. 128 ГК РФ), не относящаяся к имущественным правам. Она обладает имущественной ценностью, но не может выполнять платежных функций в сделках, связанных с передачей товара, выполнением работ, оказанием услуг.

Поскольку речь идет об объекте *sui generis*, правоотношения, возникающие из сделок с таким объектом, также будут иметь специальную квалификацию.

В частности, исходя из того, что цифровая валюта выведена из категории «цифровое право», к сделкам с ней напрямую неприменимы положения о купле-продаже п. 4 ст. 454 ГК РФ.

На наш взгляд, сделка, предметом которой является обмен криптовалюты на какой-либо из формально не запрещенных объектов (наличные деньги, права на объекты интеллектуальной собственности, бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, обязательственные права (требования), цифровые права), должна считаться непоименованным договором.

Как следует из известного разъяснения Пленума ВАС РФ, к непоименованным договорам правила об отдельных видах договоров не применяются. Однако такие нормы на основании п. 1 ст. 6 ГК РФ могут быть применены к непоименованному договору в случае сходства отношений и отсутствия их прямого урегулирования соглашением сторон³⁵.

При этом отношения по обмену криптовалютой на деньги, безналичные денежные средства сходны с отношениями купли-про-

³³ Российское гражданское право : учебник. Т. 1. С. 299.

³⁴ Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М. : Статут, 2004. С. 30—34.

³⁵ Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» (п. 5) // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

дажи, где криптовалюта выступает в качестве товара. Отношения по обмену криптовалюты на имущественные права также сходны с куплей-продажей, при этом товаром выступает уже имущественное право, а криптовалюта выполняет функцию денег в данном конкретном правоотношении. В случае обмена криптовалюты на исключительное право или право использования объекта интеллектуальных прав отношения сходны с договором об отчуждении исключительного права или соответственно с лицензионным договором.

Таким образом, сделки с цифровой валютой, на наш взгляд, следует квалифицировать как непоименованные договоры. К договорным правоотношениям по обмену различных объектов на цифровую валюту в случаях, не противоречащих закону, по аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) могут применяться правила о договоре купли-продажи (§ 1 гл. 30 ГК РФ), о договоре об отчуждении исключительного права (ст. 1234 ГК РФ) или о лицензионном договоре (ст. 1235 ГК РФ).

Еще одним важным положением Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...» является установление исключения из базового цивилистического принципа необходимости судебной защиты нарушенных прав (ст. 1 ГК РФ).

Из Закона следует, что судебная защита по требованиям, связанным с обладанием цифровой валютой, будет предоставлена не всегда, а только в том случае, если обладатели данной валюты проинформируют о самом факте обладания такой валютой и совершения с ней сделок налоговые органы (ч. 6 ст. 14 указанного Закона).

Таким образом, обязательственное правоотношение по поводу цифровой валюты, при отсутствии информирования налоговых органов об обладании данным объектом и совершении с ним сделок, обладает признаками натурального обязательства. Права обладателей цифровой валюты по таким договорам не будут подлежать судебной защите.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агibalова Е. Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Юридический вестник ДГУ. — Т. 33. — 2020. — № 1. — С. 90—99.
2. Андреев В. К. О понятии цифровых прав и их оборотоспособности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2018. — № 2.
3. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 5. — С. 111—119.
4. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 179—192.
5. Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 81—91.
6. Ефимова Л. Г. Токен как виртуальный объект гражданского права // Банковское право. — 2020. — № 3.
7. Ефимова О. В., Балдина С. С. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2019. — № 3. — С. 45—47.
8. Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. — 2019. — № 2. — С. 43—46.
9. Красикова А. В. Криптовалюта: проблемы правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2019. — № 6. — С. 111—114.
10. Куликова А. А. Цифровые права в российской правовой системе: понятие, виды // Современный юрист. — 2019. — № 1. — С. 178—185.
11. Лолаева А. С. Цифровые права в структуре объектов гражданских прав // Аграрное и земельное право. — 2019. — № 6. — С. 47—49.
12. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. — М.: Статут, 2004.
13. Мозолин В. П. Современная доктрина и гражданское законодательство. — М., 2008.
14. Молчанов А. А. Законодательное признание цифровых прав как одного из объектов гражданского права // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2020. — № 3. — С. 4—8.
15. Новоселова Л., Габов А., Савельев А., Генкин А., Сарбаш С., Асосков А., Семенов А., Янковский Р., Журавлев А., Толкачев А., Камелькова А., Успенский М., Крупенин Р., Кислый В., Жужжалов М., Попов В.,

- Аграновская М. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Закон. — 2019. — № 5. — С. 31—54.
16. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — М., 2010. — Т. 1.
17. Савельев А. И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. — 2018. — № 2. — С. 36—51.
18. Шайдуллина В. К. Криптовалюта как новое экономико-правовое явление // Вестник университета. — 2018. — № 2. — С. 137—142.
19. Эскиндаров М. А., Абрамова М. А., Масленников В. В., Амосова Н. А., Варнавский А. В., Дубова С. Е., Звонова Е. А., Криворучко С. В., Лопатин В. А., Пищик В. Я., Рудакова О. С., Ручкина Г. Ф., Славин Б. Б., Федотова М. А. Направления развития финтеха в России: экспертное мнение Финансового университета // Мир новой экономики. — 2018. — № 12. — С. 6—23.
20. Black's Law Dictionary. — Tenth edition. — West, 2014.
21. Wright A., De Filippi P. Decentralized Blockchain Technology and the Rise of Lex Cryptographia. — URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2580664> (дата обращения: 10.09.2020).

Материал поступил в редакцию 10 сентября 2020 г.

REFERENCES

1. Agibalova EN. Tsifrovye prava v sisteme obektov grazhdanskikh prav [Digital Rights in the System of Objects of Civil Rights]. *Law Herald of the Dagestan State University*. 2020;33(1):90-99. (In Russ.)
2. Andreev VK. O ponyatii tsifrovyykh prav i ikh oborotosposobnosti [On the concept of digital rights and their turnover capacity]. *Journal of Entrepreneurship and Corporate Law*. 2018;2. (In Russ.)
3. Vasilevskaya LYu. Token kak novyy obekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii tsifrovogo prava [Token as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification of a Digital Right]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2019;5:111—119. (In Russ.)
4. Gongalo BM, Novoselova LA. Est li mesto «tsifrovym pravam» v sisteme obektov grazhdanskogo prava [Whether there is a place for “digital rights” in the system of objects of civil law]. *Perm Legal Almanac*. 2019;2:179—192. (In Russ.)
5. Egorova MA, Kozhevina OV. Mesto kriptovalyuty v sisteme obektov grazhdanskikh prav [The Place of cryptocurrency in the system of objects of civil rights]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):81—91. (In Russ.)
6. Efimova LG. Token kak virtualnyy obekt grazhdanskogo prava [Token as a virtual object of civil law]. *Banking Law*. 2020;3. (In Russ.)
7. Efimova OV., Baldina SS. Tsifrovye prava kak novyy obekt grazhdanskikh prav [Digital Rights as a New Object of Civil Rights]. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*. 2019;3:45—47. (In Russ.)
8. Kartskhiya AA. Tsifrovye prava i pravoprimenenie [Digital rights and law enforcement]. *Monitoring pravoprimeneniya [Monitoring of Law Enforcement]*. 2019;2:43—46. (In Russ.)
9. Krasikova AV. Kriptovalyuta: problemy pravovogo regulirovaniya [Cryptocurrency: Problems of Legal Regulation]. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2019;6:111—114. (In Russ.)
10. Kulikova AA. Tsifrovye prava v rossiyskoy pravovoy sisteme: ponyatie, vidy [Digital rights in the Russian legal system: concept, types]. *The Modern Lawyer*. 2019;1:178—185. (In Russ.)
11. Lolaeva AS. Tsifrovye prava v strukture obektov grazhdanskikh prav [Digital Rights in the Structure of Civil Rights Objects]. *Agrarian and Land Law*. 2019;6:47—49. (In Russ.)
12. Luntz LA. Dengi i denezhnye obyazatelstva v grazhdanskom prave [Money and monetary obligations in civil law]. Moscow: Statute; 2004. (In Russ.)
13. Mozolin VP. Sovremennaya doktrina i grazhdanskoe zakonodatelstvo [Modern Doctrine and Civil Legislation]. Moscow; 2008. (In Russ.)
14. Molchanov AA. Zakonodatelnoe priznanie tsifrovyykh prav kak odnogo iz obektov grazhdanskogo prava [Legislative Recognition of Digital Rights as One of Objects of Civil Law]. *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. 2020;3:4—8. (In Russ.)
15. Novoselova L, Gabov A, Savelyev A, Genkin A, Sarbash S, Asoskov A, Semenov A, Yankovskiy R, Zhuravlev A, Tolkachev A, Kamelkova A, Uspensky M, Krupenin R, Kyslyy V, Zhuzhzhlov M, Popov V, Agranovskaya M.

- Tsifrovye prava v sisteme obektov grazhdanskikh prav [Digital rights in the system of objects of civil rights]. *Zakon*. 2019;5:31—54. (In Russ.)
16. Sukhanov EA, editor. Rossiyskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. [Russian civil law: textbook: in 2 vol.]. Vol. 1. Moscow; 2010. (In Russ.)
  17. Saveliev AI. Nekotorye riski tokenizatsii i blokcheynizatsii grazhdansko-pravovykh otnosheniy [Some risks of tokenization and blockchainization of civil relations]. *Zakon*. 2018;2:36—51. (In Russ.)
  18. Shaydullina VK. Kriptovalyuta kak novoe ekonomiko-pravovoe yavlenie [Cryptocurrency as a new economic and legal phenomenon]. *Vestnik universiteta*. 2018;2:137—142. (In Russ.)
  19. Eskindarov MA, Abramova MA, Maslennikov VV, Amosova NA, Varnavskiy AV, Dubova SE, Zvonova EA, Krivoruchko SV, Lopatin VA, Pishchik VYa, Rudakova OS, Ruchkina GF, Slavin BB, Fedotova MA. Napravleniya razvitiya fintekha v Rossii: ekspertnoe mnenie finansovogo universiteta [Directions of Fintech Development in Russia: Expert Opinion of the Financial University]. *The World of New Economy*. 2018;12:6—23. (In Russ.)
  20. Black's Law Dictionary. 10th edition. West; 2014.
  21. Wright A, De Filippi P. Decentralized Blockchain Technology and the Rise of Lex Cryptographia. Available from: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2580664> (accessed: 10 September 2020).